

УДК 94(436+47)“19”+811.16
UDC
DOI: 10.17223/18572685/52/3

ВКЛАД А.А. КОЧУБИНСКОГО В ИЗУЧЕНИЕ КАРПАТСКОЙ И КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКОЙ РУСИ*

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Авторское резюме

Известный русский славист, профессор Новороссийского университета, уроженец Бессарабии А.А. Кочубинский внес большой вклад в изучение Карпатской и Карпато-Днестровской Руси. Он описал этнографические границы русского (русинского) населения Австро-Венгрии и особенности его говора. Одним из первых в исторической науке он поднял вопрос о проживании в Трансильвании автохтонного русинского населения, которое было впоследствии ассимилировано венграми и валахами. Кочубинский сравнил историческую судьбу Дунайского Залесья с Залесьем Волжско-Окским, поставив перед русской наукой вопрос о необходимости изучения истории коренного русского (русинского) населения Трансильвании. Также в своих работах ученый поднял вопросы о русинском языке официальных документов Молдавского средневекового княжества, о постепенной ассимиляции молдавским населением Бессарабии русинов, указал ареал проживания последних. К сожалению, в настоящее время труды А. Кочубинского, посвященные истории Карпатской Руси и Карпато-Днестровских земель, русинскому населению этих территорий, до сих пор недостаточно изучены и большей частью забыты. Поэтому целью данной статьи является введение их в научный оборот.

Ключевые слова: Александр Кочубинский, русины, русские, малороссы, молдаване, волохи, топонимы, Карпатская Русь, Карпато-Днестровские земли, Трансильвания, Залесье, Молдавия, Молдова, Австрия, Венгрия, Румыния, Буковина, Бессарабия, Подкарпатье, Прикарпатье.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: грант № 17-01-00089-ОГН «Русины Карпато-Днестровских земель с XIV в. до 1918 г.».

A.A. KOCHUBINSKII'S CONTRIBUTION TO CARPATHIAN AND CARPATHIAN-DNIESTR RUS' STUDIES*

S.G. Sulyak

St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

The famous Russian Slavist, Professor of Novorossiysk University, a native of Bessarabia A.A. Kochubinskii made a great contribution to the study of the Carpathian and Carpathian-Dniester Rus'. He described the ethnographic boundaries of the Russian (Rusin) population of Austria-Hungary and the peculiarities of their dialect. He was among the first historians who raised the issue of autochthonous Rusin population in Transylvania, which was subsequently assimilated by the Hungarians and the Wallachians. Kochubinskii compared the historical destiny of the Danube Zalesye with the Volga-Oka Zalesye, posing the question on the need to study the history of the indigenous Russian (Rusin) population of Transylvania. He also raised questions about the Rusin language of the official documents of the Moldavian medieval principality, the gradual assimilation of the Rusins by the Moldovan population of Bessarabia and indicated the area of residence of the latter. Unfortunately, nowadays, the works by A. Kochubinskii dedicated to the history of the Carpathian Rus', Carpathian-Dniester lands and the Rusin population of these territories have not been sufficiently studied and mostly forgotten. Therefore, the purpose of this article is to introduce them into scientific circulation.

Keywords: Alexander Kochubinskii, Rusins, Russians, Little Russians, Moldavians, Wallachians, toponyms, Carpathian Rus', Carpathian-Dniester lands, Transylvania, Zalesye, Moldavia, Moldova, Austria, Hungary, Romania, Bukovina, Bessarabia, Podkarpatye, Subcarpathia.

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Grant Nr. 17-01-00089-ОГН "Rusins of the Carpatho-Dniestrian Lands (from the 14th century to 1918)".



Известный русский филолог и историк Александр Александрович Кочубинский (1845–1907), бессарабец, малоросс по происхождению, профессор Новороссийского университета, внес большой вклад в изучение Карпатской и Карпато-Днестровской Руси.

В автобиографии А. Кочубинский писал: «...родился в Кишиневе (Бессарабия) 22 октября 1845 года. Отец из местной семинарии, священник собора и законоучитель Александр Михайлович (†7 января 1866 г.) ребенком был выписан из Уманского уезда Киевской губернии в Кишинев

своим дядей, тогда основателем и первым ректором семинарии, архимандритом Иринеем Нестеровичем (позже злополучный епископ Иркутский)». Его мать Елена Лукинишна Пламенко (†23 января 1888 г.) из Николаева, дочь военного, была сиротой и воспитывалась в семье Козловых-Сухомлиновых. В 1847 г. отец получил назначение в Аккерман. В 1854 г. Александр поступил в уездное училище, уже умея читать и писать, где проучился три года. В 1857 г. поступил во второй класс гимназии при Ришельевском лицее в Одессе (в чисто дворянскую гимназию он, попович, был принят в виде исключения), закончив курс в 1863 г. с золотой медалью. С 1863 по 1867 г. учился на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета (Маркевич 1890: 252–261). За сочинение «Сношение румын и южных славян с Россией при Петре Великом» получил степень кандидата. Его работу высоко оценил О.М. Бодянский (Лаптева 2005: 758).

Поскольку А. Кочубинский был казенным стипендиатом (после смерти отца его материальное положение резко ухудшилось), то был обязан отработать два года учителем. Сначала он был определен учителем русской словесности во Владимирскую губернскую классическую гимназию. В 1868 г. перевелся в Одесскую вторую гимназию, а также начал преподавать и в Ришельевской гимназии. Будучи членом Славянского благотворительного комитета в Москве, он стал одним из организаторов его в Одессе в 1869 г. (Лаптева 2005: 759).

В 1869 г. с помощью попечителя Одесского учебного округа С.П. Голубцова А. Кочубинский был командирован в Австрию и Пруссию, где смог познакомиться с преподаванием немецкого языка и словесности, а также собрать славянские книги и материалы в славянских землях этих стран. В 1871 г. сдал магистерский экзамен и по представлению В.И. Григоровича был избран исполняющим должность доцента по кафедре славянской филологии в Новороссийском университете. В 1872 г. он снова был командирован за границу для подготовки диссертации. В 1873 г. защитил диссертацию на степень магистра «Братья-подобой и чешские католики XVII в.» и был утвержден штатным доцентом кафедры славянской филологии (Маркевич 1890: 261; Лаптева 2005: 759).

В 1874–1876 гг. А. Кочубинский снова путешествовал по славянским землям Австро-Венгрии. Из-за границы он высылал содержательные отчеты, которые печатались в «Записках Императорского Новороссийского университета». Особый интерес ученого вызвал «край Прикарпатский, или Трансильвания, Залесье Дунайское» – «престарое гнездо славян» (Кочубинский 1895: 95). По возвращении из-за границы он защитил в 1877 г. докторскую диссертацию «К вопросу о взаимных отношениях славян, наречий» в Императорском университете святого Владимира (Киев), после чего был избран экстраординарным, а затем ординарным профессором кафедры славянской филологии Новороссийского университета (Маркевич 1890: 262). Он занимал кафедру 30 лет, затем был заслуженным ординарным профессором и воспитал немало студентов, ставших со временем известными учеными. В их числе В.Н. Мочульский, М.Г. Попруженко, С.М. Кульбакин, Е.Ф. Будде и др. (Лаптева 2005: 786). А. Кочубинский скончался 13 (26) мая 1907 г. и был похоронен в Одессе. На надгробном памятнике вырезана составленная им эпитафия: «Бедный аккерманский мальчик, действительный статский советник Александр Александрович Кочубинский» (Калякина 2011: 240).

Во время командировки за границу в 1874–1876 гг. перед А. Кочубинским стояла задача познакомиться с польским языком Галиции, а также с чешским, хорутанским, хорватско-сербским и болгарским, «с наречиями, мало обращавшими доселе внимание науки»: со словацким и его отношением «к русским говорам в Северной Венгрии и Восточной Галиции, с наречием македонских болгар». Интерес вызывало и «историческое изучение славянских языков в связи с историей их литератур». Уделялось внимание изучению румынского языка «как могущего объяснить во многом историю славянских языков, и, в частности, русского, в связи со славянскими памятниками в Молдавии и Валахии» (РГИА: 1)

В своей «Записке о путешествии по славянским землям» А. Кочубинский, излагая план путешествия и его программу, писал, что считал бы удобным начать его с Галиции. Причем особый интерес для исследователя представляли Восточная Галиция и Львов – «сосредоточие ученой и литературной деятельности русских и польских галичан». Исследователя интересовали «положение русского наречия в старину и наше время», то, «как далеко шла малороссийская речь на западе в старое время», этнографическая граница малороссов и поляков в старину и ее изменение. Такие же вопросы он собирался изучить и на юго-восточной границе русинов – Буковине (А. Кочубинский называл русинов малороссами. Официально русинов причисляли к малороссам, хотя это и признавалось неправильным¹), где они соседствовали с румынами (молдаванами). Среди поставленных вопросов был и следующий: жил ли здесь русский элемент до прихода румынского? (Кочубинский 1874: 27).

Он подчеркнул в «Записке», что «русские по сю и по ту сторону Горбов (Карпат) суть автохтоны страны: история не знает о их приходе сюда, но знает, что уже очень рано отсюда выходили народы – сербы, хорваты в VII веке, ранние предания чешские выводят также свой народ из-за Горбов; здесь искони имя «русский» было словом домашним; здесь уже первая славянская церковь содействовала просвещению русского народа» (подробнее о начале христианизации русинов см.: Суляк 2015). По мнению ученого, «язык карпатских русских, этой старейшей исторической ветви русского народа, столь же древний, как и русский человек в Карпатах, его история и современное состояние могут объяснить немало как в жизни западных славянских языков, так в судьбе русских наречий на востоке» (Кочубинский 1874: 27–29).

Говоря о румынском языке, исследователь отметил его значение «в области славистики в отношениях лингвистическом и историко-литературном: своей славянской частью румынский язык предлагает интересный материал как для общеславянского, так и для русского лингвиста; много любопытных, но пока неразрешенных вопросов ставит история самого народа – начало славянской церкви среди румын и ее продолжительное существование, распространение славянской грамоты, языка, письменности» (Кочубинский 1874: 30). Ученый считал, что молдаване «вышли из Юго-Восточных Карпат, из Мармароша, где они и поныне живут смешанно с русскими», и «естественно искать источник славянского элемента языка молдавских румын в русском наречии Буковины и Северной Венгрии, чем выводить его из-за Дуная» (Кочубинский 1874: 31). Он подчеркивал, что «Южная Буковина и Верхняя Молдавия – зерно, из которого выросло молдавское господарство», и «выходцы из русской Венгрии,

молдавские румыны, естественно, по старой памяти употребляли церковнославянский язык в церкви, русский в деловых бумагах». В свою очередь, «священники, монахи из Галиции, Малороссии усиливали и поддерживали долго русско-славянский элемент среди молдаван – до конца прошлого столетия» (Кочубинский 1874: 37–38). Обратил он также внимание, что в старопечатных богослужебных книгах XVII–XVIII вв. на молдавском или при переводе на молдавский язык, «в которых чин служб на славянском языке, указания же священнослужителям, отдельные замечания, употребительнейшие молитвы на молдавском или с переводом на молдавский, мы легко заметим, что в основу славянского текста положена старая русская редакция» (Кочубинский 1874: 38–39).

Планировал ученый и посещение Северной Венгрии, где жили словаки и русские. Русские (русины, руснаки, orosz), как указывал А. Кочубинский в «Записках», «непосредственно продолжая поселения словаков по южному склону Карпат, и занимают комитаты: Szepesm, Sáros, Zemplén, Unghvár, Bereg, Ugocsa, Mármáros. В первых трех русские живут смешано со словаками, в Мармароше с валахами. Численность русинов колеблется между 15 % на западе и 60 % на востоке» (Кочубинский 1874: 34).

Исследователь обратил внимание на то, что, хотя словаки принадлежат к западной части славянства, а русины – к восточной, «в комитатах Сепешском, Шарошском, Земпленском и Унгварском речь одних неуволимо переливается в речь других, система звуковая, формальные особенности поразительно сближают это западное наречие с русским языком» (Кочубинский 1874: 35).

В четырех отчетах о командировке 1874–1876 гг. А. Кочубинский описал свое изучение славянских рукописей и книг, дал характеристику ряда славянских языков Австро-Венгрии и этнографических областей расселения славянских этносов (Кочубинский 1876а; Кочубинский 1876b; Кочубинский 1876с; Кочубинский 1877). В первом отчете он рассказывает об изучении рукописей из личной библиотеки А.С. Петрушевича², найденных в разное время и в разных местах русской Галиции (Кочубинский 1876b: 193), «отчасти из капитульной митрополичьей библиотеки» (Кочубинский 1876а: 211), «кирилловского архива ратуши», городского архива, собрания в монастыре Св. Онуфрия и Ставропигиального института (Кочубинский 1876а: 212), немногочисленных написанных на кириллице рукописей Национального института им. Оссолинских³ (Кочубинский 1876а: 214). «Просмотрев, таким образом, все, что можно просмотреть из рукописного наследия старой Галичины, отметив из этого небогатого наследия более или менее все, что представляло интерес для исторического

языка», ученый совершил поездку к бойкам, проживавшим в центре Галиции. Затем отправился в Прагу, где продолжил начатое – изучал «карпаторусскую речь в старину», польский язык в Карпатах, взаимоотношения двух языков в Галиции, а затем приступил к ознакомлению со старочешским языком (Кочубинский 1876а: 219).

Изучая литературные памятники XIV – первой половины XV в., А. Кочубинский проанализировал изменения в русинском языке (автор пишет: малорусском) (Кочубинский 1876а: 221) и пришел к выводу, что «малорусское (т. е. русинское. – С.С.) наречие к XV веку формируется в том виде, в каком его знает наше время, т. е. образуется строго определенная лингвистическая особь русского языка на юге» (Кочубинский 1876а: 226). Ученый также узнал о современном состоянии «прикарпатской ветви малорусского языка, заметно отличающейся от остальных членов своей семьи». Исследователь пишет, что «у русинов прикарпатских как жителей гористой местности особенно много наречий, говоров: каждая околица имеет свой говор». Карпаторусская речь, по его мнению, распадается, главным образом, на три наречия. Первое – лемков (на крайнем западе), получивших название от часто произносимого ими в разговорной речи слова *лем* (по-русски *только, лишь*). Так их называют соседи, сами же себя они называют руснаками. Лемки находятся под сильным влиянием поляков с севера и словаков с юго-запада. Второе прикарпатское наречие – бойков, жителей Самборского и Стрыйского округов. Имя *бойки* тоже дано соседями, а среди самих бойков оно имеет оскорбительное значение. Далее на востоке, в округах Коломыйском и Черновицком, живут «гуцулы, русские горцы, характером своим резко отличавшиеся от бойков, но не языком». По словам А. Кочубинского, бойк робок, неразвязан, в своей длинной рубахе и коротких «холошнях», трудолюбив. Гуцул же смел, отважен, как сербский юнак, любит песни и ленив (Кочубинский 1876а: 227–228).

Эта разница ярко выражена в народной песни:

Гуцуле, гуцуленко,
Де вы бойка діли?
Чи сварыли, чи спеклы,
Чи сырого сълы?
Не сварылы, не спеклы;
Не сырого сълы:
Пійшов бойко в полоныну,
Да го вовки сълы.

В языке же бойков и гуцулов много общих черт. Поэтому А. Кочубинский эти два наречия объединяет в одно (Кочубинский 1876а: 228–229).

Третье галицкое наречие – поднестровское (низовое), которое сходно более или менее с волынско-подольским наречием и является его продолжением (Кочубинский 1876а: 229).

Для Кочубинского интерес представляло изучение бойковско-гуцульского наречия как более чистого из всех (учитывая ограниченные возможности его как иностранца). Познакомившись со священником с. Завадки Калушского повета Михаилом Ничаем, он из Львова поехал в это село, которое находилось почти на этнографической бойковско-гуцульской границе. А. Кочубинскому удалось посетить и окрестные населенные пункты (Чертеж, Мостище, Калуш, Малые Дедушичи). Живая речь, по признанию ученого, расширила его книжные сведения (Кочубинский 1876а: 229–230).

Говоря о лемках, А. Кочубинский называл их «туземными обитателями Бескид». Он полагал, что они, скорее всего, – «этнографический остаток от прадавних русских обитателей этой равнины» (Кочубинский 1876а: 247). Исследователь предположил, что до XVIII в. «масса русского народа, входившего в состав Перемышльской епархии, жила далеко на западе от своей нынешней границы» (Кочубинский 1876а: 249). Говоря о языке краковских мазуров, ученый находит в нем русское влияние – свидетельство того, что «в жилах значительной части мазуров Западной Галиции течет русская кровь» (Кочубинский 1876а: 254).

В третьем отчете ученый рассказывает об изучении им словацкого и русинского языков Северной Венгрии. Он отметил, что «малоросс Северной Венгрии называет себя “русняком”», во множественном числе – «русские люди». Страну свою они называют, как и лемки в Галиции, русской («мы из русской земли»), веру, хотя официально и униатскую, – «русского набоженства». Он полагал, что в сохранении русинской идентичности большую роль сыграла униатская церковь. Обратил внимание и на то, что, хотя русины официально считаются униатами, они таковыми себя не признают и такого слова не знают. Себя и других православных они отделяют от «папиштаков». В их церкви весь чин службы – строго православный, и крестятся русины по-старому (Кочубинский 1876с: 122).

После Венского конгресса правительство стало сближать униатство с католицизмом, заставило священнослужителей – от епископов до священников – сбривать бороды. Бороды не сбрили только монахи ордена св. Василия. Язык церкви до недавнего времени оставался русским (Кочубинский 1876с: 123).

Речь русинов, живущих на востоке русинского ареала Венгрии, территории, примыкающей к Галичине, не отличается от языка их соседей из Галиции – бойков и гуцулов, а живущих западнее (Спиш, Шариш,

отчасти Земплин) имеет свои особенности. Главная – произношение *ы*. В этом *ы* ясно слышатся обе составные части диграфа: краткое *и*+*і*, вследствие чего выговор получает резкий гортанный характер с ударением на *і* (сын – сьин, быть – бьити и т. д.) (Кочубинский 1876с: 125).

Работая в 1875 г. в Национальном музее Будапешта, А. Кочубинский обнаружил рукопись, названную «*Cantilenae sive specimina linguae Ruthenicae et Valachicae in Transylvania*» (Saec. XIX. 25 p. in 4, № 1). При ее беглом осмотре исследователю показалось, что в ней нет ничего русского, кроме названия одного из сел. Язык ее был тем же, что и в памятниках, изданных в 1856 г. Ф. Миклошичем по рукописи 1830 г. в исследовании «Язык болгар в Семиградии» («*Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen*» // DAWW 8. 1856. S. 105–146), т. е. языком трансильванских славян, ассимилированных румынами, как пишет автор, «почти на наших глазах». Рукопись была написана в 1803 г. на немецком языке по поручению австрийского историка Иосифа-Карла Эдера⁴ (Кочубинский 1876с: 126–127). Эдер, изучая этнографию и желая получить образцы речи славян, живших в четырех селах Трансильвании (Reussdörf, Bongard, Kiss Csergöd, Nady Csergöd), поручил записать евангелическому пастору в Малом Чергеде Н. Матиашу несколько церковных молитв, что он и сделал в 1803 г. Из 11 статей рукописи 7 известны по трудам Ф. Миклошича, 4 – новые. Они древнее текстов, приводимых Ф. Миклошичем, либо поправляют и дополняют его тексты, либо предлагают новые варианты текста и языка, что заслуживает внимания (Кочубинский 1876с: 128). Впоследствии Ф. Миклошич, изучив язык жителей этих сел, отказался от своего мнения и посчитал его остатком языка дакийских славян (Кочубинский 1876с: 130).

Позже А. Кочубинский пришел к выводу, что язык песнопений славянских жителей – «рутеннов» лютеранского исповедания «четырёх загадочных сел Южной Трансильвании», обнаруженных им в Будапештском музее, – русский. Это единственный оригинальный и первый по времени более значительный памятник языка (Кочубинский 1881: 180).

«Теперь “русских людэй” в Венгрии немного – несколько более полумиллиона: в Пряшевской епархии, по Схематизму 1837 г., – 169 991, 1870 г. – 154 626; в Мукачевской, по Схематизму 1839 г., – 452 788, 1847 г. – почти столько же; но из последней епархии надо выключить тысяч сто валахов, которые отошли во вновь образованную Сатмарскую униатскую епископию, да прибавить тысяч десять русских из валашской униатской епархии Велико-Варадинской... Едва ли можно полагать, что если теперь около полмиллиона, то в старину русских

было много меньше в Венгрии, что прирост был механический – шел из Галиции» (Кочубинский 1881: 188–189).

Ученый обратил внимание на резкое уменьшение количества униатов (т. е. русинов) в Пряшевской епархии: в течение 30 лет (с 1841 по 1870 г.) – на 12,2 %. Причем большее сокращение произошло на равнинной местности (в Землинском комитате – на 20,9 %) (Кочубинский 1881: 189).

Касаясь проблемы венгров-униатов, ученый указал, что это «омадьярившиеся русские, мадьярившиеся незаметно веками» (Кочубинский 1881: 192). Говоря о «дерусизации бассейна Средней Тисы и Шайо», А. Кочубинский писал, что «денационализационное движение шло с юга, движение русских было отступательное, а не наступательное». Если на юге и юго-западе шла мадьяризация русинов, то на юго-востоке – румынизация (Кочубинский 1881: 192–193).

Исследователь перечислил села и города, входившие в состав Велико-Варадинской валашской униатской епархии, где сохранилось русское (русинское) население: город Varad-Olaszi (514 русских, по В. Варадинскому схематизму 1854 г.), в 12 его филиях – 97 (одна из них – Beregh-Böszörmény, где всего пять русских, но форма *Берег* явно русского языка), Bihar – 5 русских (о русском приходе здесь упоминает епископ de Camelis⁵); села Kakad (приход с 1730 г.), Nagy-léta (приход с 1752 г.), Atsád (приход с 1740 г.) – во всех трех селах есть церкви во имя Благовещения; город Nagy-Karoly – «pro parte Ruthenorum» (приход с 1746 г.). Немало сел уже чисто румынских имеют названия *orosz* (русский): Kis-Oroszi, Orosz-háza, Orosz-lános, Orosz-falu, а также Cserepes, Cseres-Temes, Zsidovin (Жидовин), Csernegy-háza (Чернедь-Хаза), Cserno-háza и др. (Кочубинский 1881: 193). К сожалению, политизированная венгерская наука, вопреки очевидным фактам, считает русское население Венгрии (русинов) «пришельцами» (Кочубинский 1881: 194).

В статье «О русском племени в Дунайском Залесье» (доклад на VII Археологическом съезде в Ярославле) А. Кочубинский проводит параллели между финно-славянским Залесьем Верхней Волги, где русские славяне ассимилировали финно-угорские племена, и Дунайским Залесьем (Средний Дунай, Трансильвания, Семиградия), где русский элемент выступил «в пассивной роли поглощенных нами финнов Волжского Залесья». Название *Трансильвания* произошло от канцелярского латинского языка средневековой Венгрии, его перевод на венгерский – Erdély (*Эрдели – по ту сторону леса, залесье*), под влиянием венгров румыны называли Трансильванию Ардял, русское же название *Семиградия* – «рабский перевод немецкого Siebenbürgen», которое местные немцы образовали от названия

главного города Трансильвании – Германштадта (Hermannstadt) – Сибина (по-румынски – Sibiu): Siebenbürgen. Валахи (румыны), а скорее всего, романизированные славяне, как считал А. Кочубинский, составляют большую часть населения Дунайского Залесья (Кочубинский 1891: 10).

Валах доминирует в жизни страны, славянин – в ее топонимике, указал ученый, приведя примеры.

Орографы: Бык – вершина на северо-востоке; Быстричора – откуда вытекает река Быстрица; Волкан (на юге), Вуран – Верх (или, как обыкновенно произносят валахи, – Верф); Дед – у мадьяр *Det-hegy*, где *hegy* значит *хребет, гора*; Дел (у валахов *dealu*, *e = ea*); Обрина (ср. в старослав. яз. *обр – gigas*, в чешском – *ob, obrovský – чудовище, чудовищных размеров*); Прислоп (Priszlop); Русска, т. е. гора (Ruszka у мадьяр, Russberg у немцев) на юго-западе, откуда начинается Черна, приток Мароша; Стол (у мадьяр *Astalko*, от *astal* из слав. *стол*) (Кочубинский 1891: 11).

Гидронимы: Быстрица, главный приток Самоша; Думбрава, приток Дуная; Злата, небольшой горный поток слева в Мароше; Красна, приток Самоша наверху; Лопушник, приток Мароша; Поток; Топлица в различных местах страны; Чорна, горный приток Мароша и приток Дуная) (Кочубинский 1891: 12).

Такая же ситуация и с названиями **населенных пунктов**. Эти топонимы либо звучат чисто по-славянски, либо под венгерской и румынской формой легко узнается славянская, либо дается просто перевод со славянского. Например: *Domb* (рум. *Dimba*), *Dombro* (рум. *Dumbrava*), *Golumba*, *Galumbfalva*, *Gombacz*, *Glimboka*, *Glimboka*, *Gerend*, *Lunka*, *Deva*, *Pestere*, *Strazsa*, *Ternavizca*, *Cserna* и т. д.; города *Fejérvár Dobra* – перевод славянского Белград, у немцев – *Karlsburg*; *Vaszarhely* (у валахов Гредиште и Градиште); *Карникбанау*; *Kolosvár*, *Krasna* и т. д. Гредиште (*Vaszarhely*) старше залесского Белграда, находится в глубине страны, на Мароше. Немецкие города Трансильвании: *Bistriz* на севере и *Reussmarkt* на юге между Германштадтом и Белградом. *Reussmarkt* иногда пишется как *Reissmarkt*, *Rusmarkt*, а в старину – *Forum Ruthenorum*, т. е. Русский торг, Торжок (Кочубинский 1891: 13–14).

Названия двух комитатов – один на границе с Трансильванией, другой в ней – происходят от заимствованного у славян слова *сольник* (место добычи соли, соляная россыпь), по-венгерски *szolnok*: *Szolnok*, *Belső-Szolnok*. Славянское происхождение имеют и многочисленные названия *Акна* (у венгров), *Окна* (у румын). Эти названия носят два города и шесть поселений и упоминаются в грамотах с XII–XIII вв. (Кочубинский 1891: 15).

Акна – мина, подкоп, яма в земле, отсюда *aknász* – сапер, *só-akna* – соляная копь. *Окна* (Оспӓ) у румын означает соляная копь, россыпь. Эти слова имеют один источник – славянское *окно*, производная, по мнению А. Кочубинского, форма от *око* с суффиксом *-н*, с общим значением *дыры, отверстия, ямы* в чем-либо, потом со значением более узким – *дыры в земле, где разрабатывается соль, соляные копи* (Кочубинский 1891: 16).

Чаще, чем *Окна*, в Трансильвании встречаются названия рудокопных населенных пунктов: у венгров – *Vanya*, у румын – *Vaja*. Заимствованное слово, по убеждению А. Кочубинского, славянского происхождения, пришедшее к славянам из кельтского языка. Связано с русским словом *баня* – место для мытья. У словаков, чехов и русских в Карпатах в данном значении – место для промывки нечистой руды, снабженное каким-то нехитрым деревянным приспособлением (Кочубинский 1891: 19). Исследователь отметил большое количество слов славянского происхождения в венгерском языке, относящихся к обработке металла: *kaloda* (клада), *kelepelö* (клепач), *kopál* (копать), *lapát* (лопата) и т. д.; к названиям орудий труда в домашнем обиходе: *kulcs* (ключ), *patko* (подкова), *kasza* (коса), *katlan* (котел), *korsó* (кружка); к вооружению и т. д. (Кочубинский 1891: 20).

В средневековых регистрах и грамотах Трансильвании встречается много слов славянского происхождения: топонимов, антропонимов, названий должностей (например, *князь, воевода*) и др. (Кочубинский 1891: 25–42).

Чешский историк Й. Пич в своей статье «Die dacischen Slaven und Csergreder Bulgaren» (1888), на которую ссылался Кочубинский, писал, что Трансильвания во время болгарского периода, если не раньше, была населена главным образом племенем русским. В ней он приводит карту топонимов (см. с. 32) с корнем *рус-* в Трансильвании (Pič, Amlacher 1888: 253). А. Кочубинский перечисляет 25 названий населенных пунктов с корнем *рус-*, 27 – названий гор и 2 – рек (Кочубинский 1891: 64–65).

Населенные пункты со словом *русский*:

Ruszka, Reusmarkt, Reussdörfel, Rusz, Oroszfalú, Rustilor, Rossia, Rusesti (2 паза), Ruzesti, Rosieri, Oroszi, Reussdorf, Oroszhegy, Also-Oroszi, Rossia, Ros-tosi, Rustioru, Orosz-Idecs, Rusu-munti, Russ-flore, Rusu, Ruszkeg, Borgo-Rusz, Ros.

Горы, возвышенности со словом *русский*:

Ruszkaica, Stina Rosca, Rossiile, la Rusieli, Rusului, Rosz-eszlena, Rusei, Rustilor, Rusciu, Rusciului, Mora Rusesti, Rusu, Orosz-hegy, Rosiani (2 паза), Rusinosa (2 паза), Rusino, Ros-tele, Rusiloru, Orosz-bükk, Ruziloru, Rusci, la Ruseni, Rusilor, piatra Rossi, plaiu Russului.

Речки со словом *русский*:

Russbach, fontina Roschi.

«Крошечное славянское население Трансильвании, в начале XIX века почти расплывавшееся уже в валашской стихии, всего до 200 душ, еле говорившее по-славянски, но в языке которого повторялся язык топонимии страны, еще в половине XVI столетия составляло из себя целое православное племя, отдельную этнографическую особь, близкую внешними особенностями своего быта к валахам, но в то же время заметно отличную от них», – констатирует ученый. А. Кочубинский поставил вопрос о дальнейшем изучении истории русского населения Трансильвании: «Но нам скажут: при чем же здесь интерес науки *русской* истории, интерес *русской* культуры? Придунайское Залесье – старая земля погасших славян, но не земля же русского народа... В том-то и высший интерес для людей русской истории, что земля та была именно *русскою* землею, что ее славянские обитатели были именно *русские*. И, сходя с лица земли, те последние двести славянских душ, которыми так глубоко был заинтересован Эдер, что заказал записать у них несколько церковных песен (церковных потому, что в домашнем обиходе утверждался уже румынский) – да останется хотя в науке след их земного существования, называли себя не иначе, как *русскими*, не иначе называли их и соседи: мадьяре – *Orosz*, валахи – *Rusu*, немцы – *Reussen*» (Кочубинский 1891: 57–58).

Своим докладом, как писал А. Кочубинский в заключении, он хотел «обратить внимание русских историков на забытую русскою наукою русскую стихию – в далеком Придунайском Залесье, в надежде, что совокупными трудами историков и филологов вопрос об имени “русский”, о начальном происхождении имени Русской земли и самого народа получит более естественное разрешение, чем какое дается этому вопросу обыкновенно» (Кочубинский 1891: 66).

В ряде статей А. Кочубинский поднимает тему Молдавской Руси⁶. Говоря об официальном языке Молдавского княжества, он писал, что в Бессарабии сохранилось немало молдавских грамот XV–XVII вв. о пожалованиях вотчин, «их так называемый славянский язык насквозь пронизан малорусскими элементами; может быть, даже иногда указан элемент гуцульский, т. е. восточногалицкий» (Кочубинский 1903: 396). Исследуя лапидарные надписи XV в. в Белгородской крепости, он пришел к выводу, что славянская надпись 1438 г. имеет «правописание болгаро-русско-румынское (волошское. – С.С.)», «язык славянский, русского характера, но с окраской кое-где местной, румынской (волошской. – С.С.)». В греческой 1440 г. – в имени строителя Белгородской крепостной стены Федорка, увенчавшего через два года постройку «великих врат», видел выходца из Галичины, в славян-

ской 1482 г. – «язык того же характера, что и в славянских грамотах XV–XVI в. – славяно-русский» (Кочубинский 1889: 520, 531–532, 540).

А. Кочубинский считал, что политическое и духовное рождение молдаван «свершилось при воздействии гения русского народа» (Кочубинский 1889: 508). Ученый отмечал, что нынешний «литературный румынский язык, т. е. употребляющийся по ту сторону Прута, в королевстве, это порождение национального шовинизма и политического фанатизма, дело последнего полувека, местных политиков после Парижского трактата 1856 года, положившего начало объединению господарств Молдавии и Валахии». Была объявлена «чистка народного языка от всего славянского, т. е. от его векового культурного элемента, с которым он так сжился, так сросся плотью». Но, несмотря на это, в румынском языке, по подсчетам румынского лексикографа Чихака, в его «*Dictionnaire d'etymologie daco-roman...*» (Francfurt s. M. 1879) латинский элемент румынского языка представляет всего лишь 1/5 часть его словарного запаса, тогда как славянский – больше 2/5 (Кочубинский 1903: 401–402; Кочубинский 2009: 171–172).

А. Кочубинский отмечал, что молдаване населяют центральную часть Бессарабии, частично – северную. Регион их проживания охватывает все побережье Прута вплоть до Новоселиц или австрийской границы в Буковине, куда он, в свою очередь, и переходит. В то же время северная часть бассейна Днестра – от австрийской границы или от с. Баламутовки у впадения пограничного Черного потока в Днестр и почти до города Сорок – «задержалась во владении старейшего этнографического элемента Бессарабии – русского (“русины”, “руснаки”), того же, который заселяет в непосредственном соседстве северную половину австрийской Буковины» (Кочубинский 1903: 394–395; Кочубинский 2009: 166).

Ученый указывал на ассимиляцию русинов молдаванами, на «поступательное колонизационное движение молдаван, именно – от Прута к Днестру, а не наоборот. Активный элемент – молдавский, пассивный, уступающий – русский (мало-). То же этнографическое явление давно отмечено в соседней Буковине». «Второй, или русский этнографический пояс сбит или скомкан в настоящую минуту на небольшом пространстве севера Бессарабии, у правого берега Днестра», – констатировал исследователь. Он также отметил, что до самовольного захвата Австрией части Молдавского княжества – Буковины в 1775 г. она и Хотинский уезд Бессарабии представляли собой единое целое – «русский край господарства Молдавии» (Кочубинский 1903: 395; Кочубинский 2009: 166–167).

В сохранившихся господарских грамотах XV–XVII вв. на села у Среднего Днестра в пределах нынешней молдавской этнографиче-

ской территории названия этих сел или урочищ около них – русинские (подробнее о русинских топонимах средневековой Молдавии см.: Суляк 2018). Малорусские (русинские) названия говорят о этническом составе самих обитателей этих мест, считал ученый. Постепенно это население было румынизировано. «Иными словами, – заключает А. Кочубинский, – известная часть нынешних молдаван Средней Бессарабии – это романизированные малороссы». Причем «это явление в исторических судьбах Бессарабии не стоит изолированным в общей истории формации румын в крупную, на глазах людских образовавшуюся этнографическую особь». «То же явление – развитие, усиление на счет иных народов, прежде всего, на счет славян, имело место, но в разные времена, на всем громадном пространстве, которое в настоящую минуту образует этнографическую территорию румын: и на Среднем Дунае, и на Нижнем, на Тисе, Бодроге, в Трансильвании и Буковине. Можно сказать более – не только имело место, но имеет и сейчас. Трансильвания теперь, за исключением немецких с XIII века колонистов и секлеров, сплошь румынская; но еще в начале XIX века ее этнографическая картина была несколько иная: внутри страны еще только вымидали, но не умерли последние представители ее былого автохтонного населения – славяне, и именно русские, но с особенным, отличным от нашего языком, а за три с половиной века перед тем, в первой половине XVI столетия, эти вымиравшие славяне представляли из себя еще заметную этнографическую особь – племя, народ» (Кочубинский 1903: 396–397; Кочубинский 2009: 167–168).

Причем А. Кочубинский не мог объяснить причины подобного явления: «...менее всего, конечно, можно здесь думать о превосходстве культуры. Ссылаются обыкновенно на тугость, неспособность молдавана к усвоению чужого языка. Но едва ли эта ссылка основательна» (Кочубинский 1903: 398; Кочубинский 2009: 168–169).

В настоящее время население Бессарабии более чем на половину молдавское. «Русский элемент представлен в ее двух концах: на севере – автохтонным, русинским, на юге, в Буджаке – пришлым, велико- и малорусским, от недавнего времени», – констатирует исследователь (Кочубинский 1903: 399; Кочубинский 2009:169).

А. Кочубинский был одним из первых русских славистов, поднявших вопрос об автохтонном проживании русского (русинского) населения в Карпатском регионе (в том числе и в Трансильвании), определив ареал его расселения и показав русское (русинское) влияние на язык и культуру Молдавского княжества.

И.П. Филевич, первым в России защитивший диссертацию по истории Карпатской Руси, писал о значении работ А. Кочубинского для изучения истории славян Трансильвании: «В 80-х же годах (имеется

в виду XIX в. – С.С.) вопрос этот дополняется новыми данными, отчасти благодаря новым открытиям, отчасти благодаря естественному развитию научной мысли. Особенная заслуга в разработке вопроса принадлежит, бесспорно, А.А. Кочубинскому. Он много путешествовал по славянским землям и уже в своих отчетах ярко выдвинул вопросы, связанные с русским племенем на Карпатах – по преимуществу в нынешней Угорской Руси: определил с возможной точностью ее территорию, дал несколько важных намеков на отношения русских к полякам и словакам. Открытая Кочубинским рукопись Пештского музея с песнопениями трансильванских славян побудила Миклошича заняться вновь пересмотром вопроса. Миклошич издал рукопись и вместе с тем отказался от прежнего мнения о болгаризме трансильванских славян, признав язык их остатком языка славян дакийских. В неоконченной, к сожалению, статье “Славянская рукопись Пештского музея” Кочубинский дал несколько интересных указаний на возможность более широкого распространения нынешнего русского элемента в древнейшее время в сторону мадьярского юга» (Филевич 1896: 17–18).

Также И. Филевич отметил, что в речи 6 апреля 1885 г. «Добрый пастырь и добрая нива», произнесенной по случаю юбилея св. Мефодия в торжественном собрании Императорского Новороссийского университета, А. Кочубинский «сгруппировал ряд вопросов, связанных с русско-словацким и русско-румынским рубежом». Он «объединяет мефодиеву Нитру, нынешний румынский юг и Русь Днепровскую в одно органическое целое» (Филевич 1896: 18).

А. Кочубинский поднял вопрос о более раннем крещении русского населения Семиградии (Дунайского Залесья) и Карпатской Руси: «Славянская православная церковь среди славяно-румын Трансильвании и Венгрии, среди русских Северной Венгрии и Галичины от самой глубокой и незапамятной старины: но кем и когда насаждались здесь, в этих обширных девственных краях, семена Мефодиевской церкви?». Он напомнил, что часть территории, на которой проживало русское население Трансильвании и Карпатской Руси, входила в состав епархии епископа Нитрянского викария Мефодия (Кочубинский 1885: 9, 12). Этим, по мнению ученого, и можно объяснить факт столь продолжительного сохранения восточного христианства в Карпатском регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В изданном Статистическим комитетом «Списке населенных мест Бессарабской области» среди этносов, населявших Бессарабию, указывались «галицияне» (галичане), «или собственно руснаки, иначе русины, нередко называемые, хотя и неправильно, малороссиянами и еще райлянами или,

точнее, райянами» (Бессарабская область. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1861. С. XIX–XX).

2. Антоний Степанович Петрушевич (1821–1913) – деятель галицко-русского движения, греко-католический священник. Автор многочисленных трудов по истории, филологии, словесности, этнографии, за которые был удостоен членства Русского археологического общества в Москве, Славянского общества в Киеве, Общества истории и древностей в Одессе, Академии наук в Бухаресте и всех галицко-русских просветительных учреждений, доктор Киевского университета. Он собрал большую коллекцию рукописей и книг для митрополичьей библиотеки и Русского народного дома во Львове. Много материалов пожертвовал Российской академии наук в Санкт-Петербурге (Ваврик В.Р. Краткий очерк галицко-русской письменности. Луен, 1973. С. 39–40).

3. В 1817 г. граф Иосиф Оссолинский создал во Львове фонд, названный им Национальный институт им. Оссолинских. Институт стал центром исследований польской истории, культуры, языка и литературы. После Второй мировой войны «украинская» часть коллекции осталась во Львове, остальную часть Правительство СССР в 1947 г. передало во Вроцлав.

4. Иосиф-Карл Эдер (Eder) – австрийский историк (1760–1810). Известен своими трудами по истории Трансильвании. Главные из них: «*Supplex libellus Valachorum Transs. jura tribus receptis nationibus communia postliminia*» (Клаузенбург, 1791), «*De initiis juribusque primaevis Saxonum Transs. Commentatio*» (Вена, 1792), «*Erdély ország'ismértetésének' zengéje*» (Клаузенбург, 1796), «*Scriptores rerum Transilvanarum*» (Германштадт, 1797–1800) (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XL (79): Шуйское – Электровозбудимость. СПб., 1904. С. 165).

5. Иоанн Иосиф де Камелис (1641–1706) – греко-католический епископ (апостольский викарий) Мукачевской епархии (1690–1706), происхождением грек с острова Хиос (Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: ПП «Повч Р.М.», 2006. С. 168–169).

6. В свое время Г.В. Вернадский обоснованно назвал средневековую Молдавию «Молдавской Русью» (Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000. С. 146).

ЛИТЕРАТУРА

Калякина 2011 - *Калякина К.А.* Аккерман в творческой судьбе профессора Новороссийского университета А.А. Кочубинского // *Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею.* 2011. № 10. С. 240.

Кочубинский 1874 - *Кочубинский А.А.* Записка о путешествиях по славянским землям. Одесса: Тип. Ульриха и Шульце, 1874. 48 с.

Кочубинский 1876a - *Кочубинский А.А.* Отчет о занятиях славянскими наречиями командированного за границу доцента Императорского Новороссийского университета А. Кочубинского за время от 1-го августа 1874 г. по 1-е февраля 1875 г. // *Записки Императорского Новороссийского университета.* 1876. Т. 18. С. 191–266.

Кочубинский 1876b - *Кочубинский А.А.* Отчет (второй) о занятиях славянскими наречиями с 1-го февраля по 1-е августа 1875 г. доцента Императорского Новороссийского университета А. Кочубинского // Записки Императорского Новороссийского университета. 1876. Т. 20. С. 79–105.

Кочубинский 1876с - *Кочубинский А.А.* Отчет (третий) о путешествиях по славянским землям с 1-го августа 1875 г. по 1-е февраля 1876 г. // Записки Императорского Новороссийского университета. 1876. Т. 20. С. 107–171.

Кочубинский 1877 - *Кочубинский А.А.* Отчет (четвертый) о занятиях славянскими наречиями командированного за границу доцента А. Кочубинского с 1-го февраля по 1-е июня 1876 г. // Записки Императорского Новороссийского университета. 1877. Т. 22. С. 143–148.

Кочубинский 1881 - *Кочубинский А.А.* Славянские рукописи Пештского музея и, в частности, «русская» рукопись 1803 года (Посвящается моему товарищу Ф.И. Успенскому) // Русский филологический вестник. 1881. Т. V. С. 180–207.

Кочубинский 1885 - *Кочубинский А.А.* 6-го апреля 885–1885. Добрый пастырь и добрая нива. Речь, произнесенная в юбилей св. Мефодия в торжественном собрании Императорского Новороссийского университета. Одесса: Типография «Одесского вестника», 1885. 45 с.

Кочубинский 1889 - *Кочубинский А.А.* Лапидарные надписи XV ст. из Белгорода, что ныне Аккерман // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. 1889. Т. 15. С. 506–547.

Кочубинский 1891 - *Кочубинский А.А.* О русском племени в Дунайском Залесье // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887 / Под ред. графини Уваровой. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1891. Т. II. С. 9–66.

Кочубинский 1895 - *Кочубинский А.А.* Литовский язык и наша старина // Труды Девятого археологического съезда в Вильне. 1893 / Под ред. графини Уваровой и С.С. Слуцкого. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1895. Т. I. С. 92–108.

Кочубинский 1903 - *Кочубинский А.А.* Частные молдавские издания для русской школы (Библиографические заметки) // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Июнь. Ч. СССXXXVII. С. 389–418.

Кочубинский 2009 - *Кочубинский А.А.* Частные молдавские издания для русской школы (Библиографические заметки) // Русин. 2009. № 1 (15). С. 163–189.

Лаптева 2005 - *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005. 848 с.

Маркевич 1890 - *Маркевич А.И.* Двадцатипятилетие Новороссийского университета. Историческая записка. Одесса: Экономическая типография, 1890. XV, [1], 734, [2], XC с.

РГИА - РГИА. Ф. 733. Департамент народного просвещения. Оп. 148. 1851–1874 гг. Д. 54.

Суляк 2015 - *Суляк С.Г.* Начало христианизации Карпато-Днестровской Руси // Русин. 2015. № 4 (42). С. 267–307. DOI: 10.17223/18572685/42/19

Суляк 2018 - *Суляк С.Г.* Русинская топонимика Карпато-Днестровских земель как источник сведений об этническом составе населения Молдавского княжества // Русин. 2018. № 1 (51). С. 134–161. DOI: 10.17223/18572685/51/10

Филевич 1896 - *Филевич И.П.* История Древней Руси. Т. 1: Территория и население. Варшава: тип. Ф. Чернака, 1896. X, 383, [1] с.

Pič, Amlacher 1888 - *Pič J.L., Amlacher A.* Die Dacischen Slaven und Csergeder Bulgaren (Nr. 8) // Sitzungsberichte der Königlich Böhmisches Gesellschaft der Wissenschaften. Philosophisch-historisch-philologische Classe / Vestník Královská česká společnost nauk. Trída filosoficko-historicko-filologicka. Praha, 1888. S. 227–280.

REFERENCES

Kalyakina, K.A. (2011) Akkerman v tvorcheskoy sud'be professora Novorossiyskogo universiteta A.A. Kochubinskogo [Akkerman in the creative destiny of Professor of Novorossiysk University A.A. Kochubinskii]. *Vísnik Odes'kogo istoriko-kraëznavchogo muzeyu*. 10. pp. 240.

Kochubinskii, A.A. (1874) *Zapiska o puteshestviyakh po slavyanskim zemlyam* [A note on travels through Slavic lands]. Odessa: Ul'rikh i Shul'tse.

Kochubinskii, A.A. (1876a) Otchet o zanyatiyakh slavyanskimi narechiyami komandirovannogo za granitsu dotsenta Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta A. Kochubinskogo za vremya ot 1-go avgusta 1874 g. po 1-ye fevralya 1875 g. [Report by Associate Professor of the Imperial Novorossiysk University A. Kochubinskii on research of Slavonic dialects for the period from August 1, 1874 to February 1, 1875]. *Zapiski Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta*. 18. pp. 191–266.

Kochubinskii, A.A. (1876b) Otchet (vtoroy) o zanyatiyakh slavyanskimi narechiyami s 1-go fevralya po 1-ye avgusta 1875 g. dotsenta Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta A. Kochubinskogo [The second report by Associate Professor of the Imperial Novorossiysk University A. Kochubinskii on research of Slavonic dialects for the period from February 1 to August 1, 1875]. *Zapiski Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta*. 20. pp. 79–105.

Kochubinskii, A.A. (1876c) Otchet (tretiy) o puteshestviyakh po slavyanskim zemlyam s 1-go avgusta 1875 g. po 1-ye fevralya 1876 g. [The third report by Associate Professor of the Imperial Novorossiysk University A. Kochubinskii on research of Slavonic dialects for the period from August 1, 1875 to February 1, 1876]. *Zapiski Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta*. 1876. 20. pp. 107–171.

Kochubinskii, A.A. (1877) Otchet (chetverty) o zanyatiyakh slavyanskimi narechiyami komandirovannogo za granitsu dotsenta A. Kochubinskogo s 1-go fevralya po 1-ye iyunya 1876 g. [The fourth report by Senior Lecturer of the Imperial Novorossiysk University A. Kochubinskii on research of Slavonic dialects for the period from February 1 to June 1, 1876]. *Zapiski Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta*. 22. pp. 143–148.

Kochubinskii, A.A. (1881) Slavyanskiye rukopisi Peshtskogo muzeyu i, v chastnosti, "russkaya" rukopis' 1803 goda (Posvyashchayetsya moyemu tovarishchu F.I. Uspenskomu) [Slavonic manuscripts of the Pest Museum and, in particular, the "Russian" manuscript of 1803 (Dedicated to my comrade F.I. Uspensky)]. *Russkiy filologicheskii vestnik*. 5. pp. 180–207.

Kochubinskii, A.A. (1885) *6-go aprelya 885–1885. Dobryy pastyr' i dobraya niva*.

Rech; proiznesennaya v yubiley sv. Mefodiya v torzhestvennom sobranii Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta [6th April 885–1885. Good shepherd and good field. The speech delivered at the jubilee of St. Methodius in the solemn meeting of the Imperial Novorossiysk University]. Odessa: Odessky vestnik.

Kochubinskii, A.A. (1889) Lapidarnyye nadpisi XV st. iz Belgoroda, chtu nyne Akkerman [Lapidary inscriptions of the 15th century from Belgorod, now Akkerman]. *Zapiski Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*. 15. pp. 506–547.

Kochubinskii, A.A. (1891) O russkom plemeni v Dunayskom Zales'ye [About the Russian tribe in the Danube Zalesye]. *Trudy Sed'mogo arkheologicheskogo s'yezda v Yaroslavle*. 2. pp. 9–66.

Kochubinskii, A.A. (1895) Litovskiy yazyk i nasha starina [The Lithuanian language and our antiquity]. *Trudy Devyatogo arkheologicheskogo s'yezda v Vil'ne*. 1. pp. 92–108.

Kochubinskii, A.A. (1903) Chastnyye moldavskiy izdaniya dlya russkoy shkoly (Bibliograficheskiye zametki) [Unofficial Moldavian publications for the Russian School (Bibliographical notes)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. June. CCCXXXVII. pp. 389–418.

Kochubinskii, A.A. (2009) Unofficial Moldavian Publications for the Russian School (Bibliographical notes). *Rusin*. 1(15). pp. 163–189 (In Russian).

Lapteva, L.P. (2005) *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke* [History of Slavic studies in Russia in the 19th century]. Moscow: Indrik.

Markevich, A.I. (1890) *Dvadsatipyatiletiye Novorossiyskogo universiteta. Istoricheskaya zapiska* [The twenty-fifth anniversary of Novorossiysk University. A historical note]. Odessa: Ekonomicheskaya tipografiya.

The Russian State Historical Archive. Fund 733. List 148. File 54.

Sulyak, S.G. (2015) The Rusin identity (a case study of Galicians' participation in the Civil War). *Rusin*. 4(42). pp. 267–307 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/19

Sulyak, S.G. (2018) Rusin toponymy of Carpatho-Dniestrian land as a source of information on the ethnic composition of the Moldavian Principality. *Rusin*. 1(51). pp. 134–161 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/51/10

Filevich, I.P. (1896) *Istoriya drevney Rusi* [History of Ancient Rus]. Vol. 1. Warsaw: F. Chernak.

Pič, J.L. & Amlacher, A. (1888) Die Dacischen Slaven und Csergeder Bulgaren (Nr. 8) [The Dacian Slavs and Csergeder Bulgarians (No. 8)]. *Sitzungsberichte der Königlich Böhmisches Gesellschaft der Wissenschaften. Philosophisch-historisch-philologische Classe / Vestnik Královská česká společnost nauk. Trida filosoficko-historicko-filologicka*. pp. 227–280.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru